

Старик, поглаживая бороду, усмехнулся:

— Второй господин, вы уже наполовину поняли суть.

Затем он вздохнул:

— Времена изменились. Молодёжь вашего поколения больше не любит слушать оперу. В моём доме ни один из молодых господ и госпож не желает её слушать, вместо этого они увлекаются тем, что без пения, как это называется?

Другой подхватил:

— Драма. Это драма, верно?

— Да, да, драма, драма! Скажите, разве не печально, что они отвергают наследие предков и учатся у западных людей? Разве это не путь к гибели страны?

Два старика, погружившись в печальные размышления, вздыхали некоторое время. Вскоре разогрев закончился, и на сцене появился Шан Сижуй в ярком образе наложницы Ян Гуйфэй, с головой, украшенной драгоценностями, которые слепили глаза. Чэн Фэнтай посмотрел на него и подумал: «Вот он, Шан Сижуй. Какой же он пёстрый и какой маленький!» Чача'эр, напротив, была в восторге, держа в руках чашку чая и не сводя глаз с Шан Сижую, считая его ослепительно красивым с его драгоценностями и выразительными глазами.

Как только Шан Сижуй появился, зрители начали бросать на сцену серебряные монеты и драгоценности, аплодисменты раздавались со всех сторон. Он ещё даже не начал петь, а публика уже восхищалась им. Только Шан Сижуй мог удостоиться такого приёма.

Чача'эр впервые видела такое зрелище, и её глаза загорелись интересом. Чэн Фэнтай улыбнулся, потрогал карман, но денег с собой не оказалось. Да и бросать деньги было бессмысленно. Наручные часы — если бросить, они сломаются. Сняв с пальца золотое кольцо с изумрудом, он положил его в руку Чача'эр:

— Вот, Чача'эр, попробуй и ты.

Чача'эр подошла к перилам, наклонилась и, прицелившись, бросила кольцо в сторону Шан Сижую. Она смотрела только на него, и бросок оказался слишком точным. Кольцо ударило Шан Сижую в бровь, заставив его слегка отклонить голову, и его взгляд быстро скользнул в сторону ложи Чэн Фэнтая.

Чэн Фэнтай подумал: «Неудача! Это кольцо тяжёлое, от удара останется синяк». Чача'эр испугалась, подбежала к брату и схватила его за рукав, слегка паникуя. Два старика, напротив, рассмеялись:

— Третья госпожа, какой меткий бросок! Сила и точность на высоте!

Чэн Фэнтай удивился: разве они не поклонники Шан Сижуйя? Почему они смеются, когда его ударили? Затем он понял: он снова принял это за шанхайский оперный театр. Здесь лицедеи и проститутки были на одном уровне — не людьми, а игрушками, которые можно было топтать за деньги.

Эта мысль вызвала у Чэн Фэнтая неприятное чувство. В Шанхае, под влиянием отца, он даже благодарил слуг, когда они подавали ему чай. Поэтому он с трудом переносил подобное проявление иерархии. Погладив Чача'эр по спине, он усадил её и сказал:

— Не переживай, Чача'эр, ты не хотела. Позже я отведу тебя извиниться.

Два старика, зная манеры Чэн Фэнтая, обменялись понимающими улыбками, думая, что извинение — это лишь предлог для того, чтобы познакомиться с лицедеем.

Удар, который получил Шан Сижуй, словно пришёлся по сердцу Шэн Цзыюня. Он вскочил и посмотрел в сторону виновника. Чэн Фэнтай, склонив голову, что-то говорил, его лицо было не совсем чётко видно. Шэн Цзыюнь продолжал изучать его, и когда Чэн Фэнтай повернулся, их взгляды встретились. Шэн Цзыюнь вынужден был подойти и поздороваться.

— Второй брат Чэн.

Старики поправили очки:

— А это кто?

Чэн Фэнтай ответил:

— Младший брат моего старого товарища, шестой сын семьи Шэн из Шанхая, Шэн Цзыюнь. Сейчас он учится в университете в Бэйпине.

Старики, впечатлённые именем семьи Шэн, начали хвалить Шэн Цзыюня, называя его молодым талантом. Шэн Цзыюнь, смущаясь, вежливо отвечал на комплименты.

Чэн Фэнтай сказал:

— Ладно, скоро начнётся представление, господин Юнь, возвращайтесь на место.

Шэн Цзыюнь кивнул, но, только он повернулся, Чэн Фэнтай схватил его за край одежды и притянул к себе, прошептал на ухо:

— Жди, я с тобой поговорю!

Шэн Цзыюнь почувствовал тревогу.

На сцене Шан Сижуй начал петь, его голос был чистым и звонким, как пение соловья. Чэн

Фэнтай несколько раз смотрел оперу «Опьяневшая наложница», но запомнил только две строки:

«На острове ледяное колесо начало вращаться, увидел зайца, заяц уже на востоке восходит. Ледяное колесо покинуло остров, и мир стал ярче».

Дальше он не помнил. Но хотя Чэн Фэнтай не понимал слов, он постепенно увлёкся мелодией и начал тихо подпевать. Он понял, что китайская опера имеет одно преимущество перед западной — хуцинь и высокий голос держат зрителя в напряжении, и даже те, кто ничего не понимает, не засыпают.

После одного из музыкальных переходов в зале началось волнение. Многие зрители с возмущением покидали свои места, некоторые начали освистывать.

Чэн Фэнтай не понимал, что происходит. Старик рядом с ним вздохнул:

— Эх! Что за дела! Прекрасная опера «Опьяневшая наложница»!

Другой добавил:

— Не будем смотреть. Пойдём!

Затем они попрощались с Чэн Фэнтаем, договорившись о следующей встрече, их лица выражали разочарование.

Чэн Фэнтай проводил их, улыбаясь:

— Что случилось с оперой? Почему вы так расстроены?

Старик ответил:

— Этот Шан Сижуй, считая себя звездой, переделывает сценарии, и многие коллеги и любители оперы его не любят. Я не видел этого раньше, сегодня мне повезло!

— Когда он гастролировал в Шанхае, шанхайцы прозвали его «Оперным демоном», и он даже гордился этим! Прекрасная опера «Опьяневшая наложница»! И он осмелился её изменить! Это путь к гибели страны!

Другие зрители, услышав это, поддержали их, выражая недовольство и жалобы. Чэн Фэнтай не понимал их критики, вежливо проводил стариков до машины и вернулся в ложу к сестре.

Большинство поклонников оперы ушли, в зале остались только преданные фанаты, повсюду царил беспорядок, и атмосфера была мрачной и печальной. Поклонники оперы были как император Мин-хуан, который, когда был влюблён, осыпал наложницу Ян Гуйфэй милостями, а когда охладел, оставил её одну в павильоне Баихуа. Шан Сижуй, играя Ян Гуйфэй, казалось, не

обращал внимания на окружающее и продолжал петь с энтузиазмом, готовясь к следующему действию. В этот момент мужчина в простой одежде, разгневанный, с горячим чайником в руках, прошёл мимо Чэн Фэнтая и, подойдя к сцене, швырнул чайник с кипятком в Шан Сижую.

— Пой свою бабушку! Грязная шлюха!!!

Шэн Цзыюнь с второго этажа крикнул:

— Сижуй!

Шан Сижуй отступил на шаг, бросил взгляд на мужчину, успокоился и продолжил петь. Мастер, игравший на хуцине, сразу же подхватил. На сцене действовало правило: пока актёр поёт, музыкант играет, независимо от того, что происходит вокруг.

Мужчина, не сумев сорвать представление, ещё больше разозлился и, опершись на перила, попытался запрыгнуть на сцену. Чэн Фэнтай понял, что Шан Сижуй вызвал гнев зрителей, изменив оперу, и теперь они хотят его наказать. Шан Сижуй был хрупким, как девушка, и не смог бы выдержать удар разъярённого мужчины. Это могло закончиться трагедией. Чэн Фэнтай, по своему характеру, не мог остаться в стороне, быстро подошёл и схватил разъярённого зрителя за плечо, оттягивая его назад:

— Господин, успокойтесь, давайте поговорим.

Разъярённый зритель, с покрасневшими глазами, указал на Шан Сижую и закричал:

— Эта шлюха осквернила Ян Гуйфэй!

Раньше шутили, что люди переживают за древних, и вот сегодня это произошло. Ян Гуйфэй давно умерла, и её кости истлели, но спустя тысячу лет кто-то всё ещё готов защищать её. Если бы дух наложницы узнал об этом, она бы заплакала от миления. Чэн Фэнтай усмехнулся:

— Неужели? Как лицедей может осквернить Ян Гуйфэй? Её осквернил её собственный свёкор!

Эти слова, сказанные в неподходящий момент, только разозлили зрителя. Он с яростью замахнулся и ударил Чэн Фэнтая по щеке. Удар был настолько сильным, что губа Чэн Фэнтая разбилась о зубы, и кровь потекла по подбородку. Чэн Фэнтай, будучи учёным и бизнесменом, никогда не дрался, но он был смел и жесток. Схватив что-то под рукой, он метнул это в зрителя, попав точно в цель. Удар был настолько сильным, что у мужчины пошла кровь из носа, брызнув на Чэн Фэнтая.

<http://bllate.org/book/15435/1368549>